

Б. А. Тихомиров

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРИЙ (ГЛУХАРЕВ): МИССИОНЕРСКИЙ ПОДВИГ И ПЕРЕВОД БИБЛИИ

(к 170-летию со дня преставления
и 225-летию со дня рождения)¹

Статья посвящена деятельности и трудам известного миссионера и переводчика Ветхого Завета, выпускника II курса/набора (1814–1817) Санкт-Петербургской духовной академии прп. Макария (Глухарева) (дата канонизации – 2000 г.). Она состоит из двух частей приблизительно равного объема. В первой представлено краткое жизнеописание, вторая знакомит с трудами преподобного по переводу Священного Писания Ветхого Завета на русский язык. Данный материал – это и дань памяти удивительному, неординарному человеку, истинному подвижнику христианского просвещения, и обращение к тем непростым проблемам, которые стояли перед Русской Православной Церковью в первой половине XIX столетия. В статье затронуты как проблемы миссионерского служения Церкви, так и проблемы остановленного в 1826 г. на тридцать лет, но столь ожидаемого и необходимого перевода Библии на русский язык. В обстоятельствах решения этой непростой проблематики прп. Макарию довелось сыграть важную роль.

Ключевые слова: прп. Макарий (Глухарев), Санкт-Петербургская духовная академия, Алтайская миссия, перевод Библии на русский язык, Ветхий Завет, масоретский текст, свт. Филарет (Дроздов), перевод прот. Г. Павского, епитимия, Святая земля.

В августе 2000 г. Юбилейным Архиерейским Собором к лику святых был причислен архимандрит Макарий (Глухарев) (1792–1847). Преподобный знаменит среди церковных деятелей XIX в., прежде всего, как выдающийся миссионер, основатель и первый руководитель Алтайской миссии (1830–1843), а также как переводчик Священного Писания Ветхого Завета на русский язык. Известный богослов и церковный историк, о. Георгий Флоровский характеризовал его как «одного из самых замечательных людей той эпохи»². Память о прп. Макарии (Глухареве)

Борис Алексеевич Тихомиров – кандидат богословия, доцент кафедры библеистики Санкт-Петербургской духовной академии (bt54@mail.ru).

¹ Статья является авторской редакторской переработкой с внесением исправлений и дополнений текста: *Тихомиров Б.А.* Предисловие // Пятикнижие Моисея в переводе архимандрита Макария. СПб., 2000. С. V–XXXV.

² *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 187.

не осталась обойденной вниманием в церковной историографии. Его жизнеописанию был посвящен ряд монографий, а также публикаций, анализирующие его деятельность и творчество³.

I. Очерк жизненного пути

Михаил Яковлевич Глухарев, будущий знаменитый подвижник христианской миссии, родился 30 октября 1792 г.⁴ в городе Вязьме, Смоленской губернии, в семье священника, широко известного в округе своей ревностной проповеднической деятельностью. Начало его образовательного пути было типичным для юношей из духовного сословия — училище и семинария, где Михаил показал себя прилежным и способным учеником. Необходимо упомянуть приключившуюся с ним в годы обучения в училище беду — тяжелую простуду, вызвавшую серьезные осложнения голосовых связок и легких и оставившую отпечаток на всей его жизни. Впоследствии в своей профессиональной деятельности педагога, священника, миссионера прп. Макарий постоянно испытывал значительные трудности из-за проблем с голосом и здоровьем. Свой первый педагогический опыт он получил еще до окончания семинарии, когда в связи с событиями Отечественной войны 1812 г. прервались занятия в Смоленской семинарии, — подрядился обучать детей местного помещика. Семинарию Михаил окончил в 1813 г. с отличием и был оставлен в ней преподавателем латинского языка. В 1814 г. за отличные успехи

---

³ Среди основных работ нужно выделить: *Птохов П. В.* Архимандрит Макарий (Глухарев), основатель Алтайской миссии. М., 1899; *Фил-нов [Филимонов] Д. Д.* Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария. М., 1888; *Харлампович К. В.* Архимандрит Макарий Глухарев. По поводу 75-летия Алтайской миссии. СПб., 1905. Исчерпывающий перечень дореволюционных публикаций, посвященных архим. Макарию, можно найти в предисловии к изданию его писем, подготовленному К. В. Харламповичем: «Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии» (Казань, 1905. С. 66–69), а также у А. Родосского в «Биографическом словаре студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной Академии: 1814–1869 гг.» (СПб., 1907. С. 255–258). Отдельное внимание переводу библейских книг, исполненному архим. Макарием, уделяет А. И. Чистович в своем труде «История перевода Библии на русский язык» (СПб., 1873, 1899, репринтное переиздание Российского Библейского общества — М., 1997). Из современных исследований богословского наследования прп. Макария необходимо указать работу прот. Б. Пивоварова «Преподобный Макарий Алтайский и составленный им „Алфавит Библии“» (Новосибирск, 2012).

⁴ Так у большинства биографов. Птохов, правда, настаивает на том, что преподобный родился в 1791 г. См.: *Птохов П. В.* Архимандрит Макарий (Глухарев)... С. 6–7.

в семинарской учебе и на основании похвального отзыва о преподавательской деятельности его направили в Санкт-Петербургскую духовную академию для продолжения образования. Можно сразу отметить его основательную языковую подготовку, в целом характерную для «дореволюционного» церковного образования. Латынь Михаил хорошо освоил еще юношей в домашних штудиях с отцом и в училище, семинария и академия дали знание древнегреческого и древнееврейского, из современных языков — французского и немецкого.

Несомненно, одним из главных событий его академических лет, во многом определивших его будущее, было знакомство и сближение, вплоть до дружеских, доверительных отношений, с ректором Академии архим. Филаретом (Дроздовым), будущим знаменитым Московским святителем. Это были отношения не администратора и подчиненного, но прежде всего пастыря и его духовного чада. Впоследствии, когда жизненные пути этих выдающихся людей разошлись, их связь не прервалась, о чем свидетельствует многолетняя обширная переписка. Не раз прп. Макарий пользовался и гостеприимством архиерейского дома свт. Филарета. Необходимо отметить особую атмосферу академической жизни того времени, вовлеченность студентов в жизнь столицы, отличавшуюся тогда обостренными религиозными исканиями. Оценка их — предмет отдельного разговора, но, безусловно, атмосфера свободного и активного поиска в реализации христианского предназначения сформировала в будущем пастыре широкий и открытый кругозор. Так, он не раз вел беседы с представителями инославных христианских церквей и уже в звании архимандрита рассуждал о целесообразности построения в Москве храма с тремя пределами, где бы совершались богослужения трех основных христианских конфессий⁵.

Академический курс Михаил Яковлевич Глухарев окончил в 1817 г. со степенью магистра богословия и был назначен инспектором в Екатеринославскую духовную семинарию. Помимо исполнения административного послушания он вел курс церковной истории и преподавал немецкий язык. В том же году он назначается ректором Екатеринославских уездного и приходского училищ. Здесь, в Екатеринославе, исполнилось его заветное желание принять иноческое звание, выказанное им еще во время учебы в Академии. Монашеский постриг совершил архиеп. Екатеринославский Иов (Потемкин) 24 июня 1818 г. На следующий день

---

⁵ См.: Филимонов Д. Д. Материалы для биографии... С. 216.

инок, нареченный Макарием, был рукоположен в сан иеродиакона, а еще через три дня — в иеромонахи. В Екатеринославе иером. Макарий прослужил до весны 1821 г., когда указом Святейшего Синода был назначен ректором Костромской семинарии. Здесь же, в Костроме, он был возведен в сан архимандрита.

Как в Екатеринославе, так и в Костроме прп. Макарию пришлось проводить в жизнь осуществлявшуюся тогда реформу духовного образования, которая далеко не всегда легко принималась на местах. Молодой пастырь и руководитель подчас оказывался в сложной, изначально конфликтной ситуации. Не все складывалось гладко во взаимоотношениях как с правящими архиереями, так и с находившимися под его непосредственным начальством педагогами. Прп. Макарий не был «удобным», «компромиссным» человеком, не всегда давались ему и лестные характеристики. Весьма симптоматичен отзыв о нем еп. Костромского Самуила (Запольского): «При строгой, прямо монашеской жизни и честном поведении часто примечается задумчивым, часто вспыльчивым. Подвержен частым припадкам. Крайне слабогласен. К продолжению должностей впредь кажется малонадежным»⁶. Достаточно жесткая характеристика, данная с позиции администратора. С ней резко контрастирует другая, представленная теплыми словами о нем в воспоминаниях его бывшего ученика по Костромской семинарии архиепископа Казанского Афанасия (Соколова) (позже их пути пересеклись в Сибири уже как правящего архиерея и его клирика): «Моей душе он всегда присущ, как наставник, из уст которого лились сладчайшие речи и в семинарии, и в его келии, куда он нередко призывал меня, юного богослова, для научения, обличения и усовершенствования в истине и правде и для принятия повеления произносить его собственные проповеди в церкви вместо него самого, по причине крайней слабости его голоса; но вечное место в душе моей он имеет наипаче потому, что духовная жизнь его при учении удерживала меня, 19–20-ти летнего, на путях Господних. Истину говорю, полный благодарения Господу, даровавшему мне такого наставника в юности моей...»⁷

Несмотря на разительные различия в оценочных подходах, обе характеристики дают возможность соприкоснуться с внутренним миром прп. Макария. И даже в столь кратких отзывах он предстает как человек по преимуществу духовных устремлений. Действительно, весь его

⁶ Цит. по: *Птохов П. В.* Архимандрит Макарий (Глухарев)... С. 32.

⁷ Цит. по: *Филимонов Д. Д.* Материалы для биографии... С. 22.

жизненный путь есть поиск духовного. Здесь горение его души. Поиск, который для него всегда был не проторенной, мощеной дорогой, но воистину «узким», в евангельском значении, путем. (Говорят, в Сарове святой старец Серафим предсказал ему тяжелый жизненный крест⁸.) Для прп. Макария на всем этапе его самостоятельного христианского становления это был прежде всего внутренний поиск, проходивший подчас в непростой борьбе с самим собой. О своих борениях он постоянно беседовал со свт. Филаретом еще во время обучения в Академии, об этом писал ему впоследствии в Москву, об этом советовался с теми многими духовниками-старцами, которых он неизменно искал и с которыми сводила его жизнь. Здесь он целиком в атмосфере духовной жизни Церкви, вне которой он себя просто не мыслил. Конечно же, и в принятии им монашеского пострига следует видеть выражение этой внутренней стороны его жизни. Такая «интровертность» его устремлений во многом объясняет его уход из сферы духовного образования. Очевидно, он тяготился необходимостью несения административно-хозяйственных обязанностей как отвлекавших его от духовных исканий. Конфликты в преподавательской среде, проблемы со здоровьем, крайне хрупким после тяжелой болезни, случившейся еще во время его обучения в училище, стали основанием к прошению об освобождении от административных и учебных должностей.

Весной 1825 г. прп. Макарий прибыл в Киево-Печерскую лавру для несения монашеского послушания. Тем не менее его без преувеличения мятущаяся душа не дала ему возможности надолго здесь задержаться. Из Лавры он перебрался в Китаевскую пустынь, расположенную в семи верстах от Киева. Оттуда написал прошение в Святейший Синод о занятии должности библиотекаря в Московской духовной академии — получил отказ. Уже в декабре того же 1825 г. с позволения Синода отбыл в Глинскую общежительную пустынь Путивльского уезда Курской губернии. Здесь на некоторое время прп. Макарий нашел отдохновение в монашеском делании. Занимался он и литературной работой: переводил святых отцов, написал ряд духовных песнопений. Но и в Глинской обители ему не суждено было обрести своего места.

Естественно, его метания не остались без внимания высокого начальства. Так, в письмах к нему свт. Филарета Московского этого времени звучит упрек в непостоянстве и своеволии, пренебрежении послушанием.

---

⁸ См.: Харлампович К. В. Архимандрит Макарий Глухарев... С. 19.

Святитель опасался, найдет ли он себя на новом месте⁹. Как отнестись к этому «непостоянству» прп. Макария? Действительно, на месте ему не сиделось, и упрек представляется справедливым. И тем не менее здесь скорее можно усмотреть извечный поиск души, ищущей и не находящей своего пристанища в этом мире, оказавшемся чуждой для нее оболочкой. Вся его жизнь предстает единым и неустанным духовным поиском, который у него, может быть, не всегда гармонирует с традиционными представлениями о церковных ценностях — он ищет свой путь, свое христианское призвание, ни на минуту не останавливаясь в своих исканиях, не соблазняясь проторенной дорогой.

В начале 1829 г. в Святейший Синод поступило прошение архим. Макария о переводе его в Сибирь и «употребление» на дело миссии. На этот раз оно было удовлетворено, и уже в конце мая он получил назначение в Тобольскую епархию, где архиеп. Евгений (Казанцев) организовывал миссию по христианизации народностей, живущих в этом обширном регионе. Так начался страннический путь прп. Макария в Сибирь к своей пастве.

XIX в. открывал новую страницу в миссионерском служении Русской Православной Церкви. И золотыми буквами в историю миссионерского движения эпохи вписано имя архим. Макария (Глухарева), основателя Алтайской миссии, «романтического миссионера», как однажды назвал его Московский святитель¹⁰. Сама же деятельность Алтайской миссии и при ее первом начальнике, и при его преемниках справедливо оценивается как «один из самых героических и святых эпизодов в нашей истории»¹¹.

Летом, перед отъездом, прп. Макарий посетил Москву, где жил в Чудовом монастыре, собирая пожертвования на будущие начинания (не обошлось без кражи уже собранных средств). В Тобольск он прибыл 30 сентября. План архиеп. Евгения предполагал организацию в епархии двух миссий: на севере — для «остяков» (совр. ханты) и «вогулов» (совр. манси); на юге — для «киргизов» (речь идет о казахах, которые тогда отдельно еще не идентифицировались), «калмыков», «телеутов» и «черневых татар» (дореволюционные названия групп народностей Алтая). Архиеп. Евгений предложил о. Макарию север, где миссионерствовал

---

⁹ См.: Письма Филарета, митр. Московского и Коломенского, к Высочайшим особам и разным другим лицам. Тверь, 1888. С. 109–112.

¹⁰ Цит. по: Харлампович К. В. Архимандрит Макарий Глухарев... С. 24.

¹¹ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. С. 189.

сам и хорошо представлял ситуацию. О. Макарий, однако, высказался за южное направление, конкретно за «Киргизскую степь» (совр. Казахстан), аргументировав выбор слабостью здоровья для севера и своим предварительным знакомством именно с языками тюркской группы. На южном направлении и остановились, хотя в результате отношения с архиеп. Евгением были несколько испорчены. Однако в «Киргизскую степь» прп. Макария не пустили светские власти — был циркуляр правительства, запрещавший здесь какую бы то ни было христианскую проповедь. (Как отмечают, эта нейтральная религиозная политика закончилась распространением ислама, причем мечети часто строились даже руками православных казаков¹².) В результате окончательным направлением миссии был избран Алтай.

3 августа 1830 г. прп. Макарий с двумя сотрудниками — тобольскими семинаристами А. Волковым и В. Поповым — выехал из Тобольска. Первоначально обосновались в Бийске, впоследствии обжитыми центрами Алтайской миссии стали Улала и Майма. Миссионерам пришлось заниматься буквально всем: катехизацией, обучением новообращенных навыкам земледелия, преподаванием грамоты и детям, и взрослым, поставками сельскохозяйственного инвентаря, продовольствия и одежды, лечением, принятием родов... Прп. Макарий выписывал книги по агрономии... Один из его проектов, связанный с этой стороной деятельности Миссии и направленный в Синод, предполагал даже специальную стажировку ее сотрудников в Московском университете по некоторым естественным дисциплинам. Первое крещение миссионеры совершили уже 7 сентября 1830 г. — дата, считающаяся днем основания Алтайской миссии.

В общей истории христианского миссионерства, православного русского в том числе, христианизация часто начиналась и заканчивалась актом крещения, после чего новообращенный предоставлялся самому себе. За подобной практикой стояла и «простоватость» миссионеров, и восприятие таинства крещения главной, окончательной целью миссионерского служения. К крещению могли относиться как к деянию самодостаточному, так сказать, «магически» предопределяющему исковый результат. Впоследствии такая практика приводила к многочисленным отпадениям от православия и к возвращению крещеных обратно в язычество. (Об «издержках» подобного миссионерства проникновенно

---

¹² Харлампович К. В. Архимандрит Макарий Глухарев... С. 26–27.

писал Н. С. Лесков). Алтайская миссия — отдадим должное ее отцу-основателю — сразу же определила для себя иной путь. Сохранились описания, как прп. Макарий готовил обращаемого к крещению: «Обычно он узнавал, так или иначе, что в том или ином пункте имеется инородец, расположенный к принятию христианского учения. Тогда он спешил в то место, оглашал инородца, затем крестил, поручал надежному восприемнику, который и ограждал новообращенного от вредных влияний. Но иногда о. Макарию приходилось сталкиваться при оглашении алтайца с противодействием или его семьи, или шаманов. Тогда он или крестил тайно и велел разрывать семейные связи, или же отказывался крестить... Оглашение продолжалось от одного дня до двух недель, в зависимости от возраста и развития, умственного и нравственного, оглашаемого»¹³. За крещением следовало обязательное приобщение новообращенного к жизни церковной общины, собственно, шире — к христианской культуре и цивилизации. Практически это означало переход к оседлому образу жизни. И здесь со стороны правительства по представлению Миссии всем принявшим крещение оказывалась необходимая помощь в связи с новым обустройством быта. Вместе с семьями на определенное время они освобождались от податей, предоставлялась и определенная материальная поддержка.

Миссия быстро расширялась. На смену Волкову и Попову, покинувшим прп. Макария уже в начале 30-х гг., приходят — произнесем имена первых делателей Алтайской миссии — двое ссыльных поселенцев — Петр Лисицкий и Иван Савельев, а в конце 30-х там трудились юноши Михаил Нигрицкий из Томского духовного училища, семинарист Стефан Ландышев, будущий преемник о. Макария на посту начальника, ссыльный дячок Петр Торбаев, иеромонах Анастасий, крестьянин Филипп Гилев, Артемий Левицкий, студент медико-хирургической академии, впоследствии игумен Акакий, скончавшийся на Алтае в 1875 г. ... В начале 40-х гг. из Москвы приехала девица Софья де-Вальмон, акушерка, ставшая учительницей в открывшейся при Миссии школе. Ставил о. Макарий вопрос и о создании женского монастыря при Миссии — прошение не было удовлетворено.

Известный востоковед Н. И. Ильминский, активный участник православного миссионерского движения, впоследствии так отозвался о миссионерской деятельности архим. Макария: «По силе и благодати

---

¹³ Там же. С. 32–33.

Божией, явились нерукотворно, т. е. без человеческой миссионерско-научной и искусственной подготовки и выправки, два миссионерских огня в Сибири: Иннокентий и Макарий Глухарев. Иннокентий — самородный сильный и ясный ум: он действовал преимущественно катехизической проповедью и инородческими переводами, которые он вполне убежденно и неотразимо считал (и совершенно справедливо) необходимым орудием миссии. Архимандрит Макарий имел некоторый мистический оттенок, старался возбудить дух христианский и благодатный в инородцах, хотя он не отрицал и даже признавал пользу местных языков. Но в том и в другом, в Иннокентии и Макарии, обитала таинственная и благодатная сила и действенность, и они прочно насадили христианскую веру среди полудиких племен Алтая и отдаленнейших окраин Сибири»¹⁴. Очень значимое сопоставление имен двух величайших деятелей православной миссии XIX столетия, двух, без преувеличения, апостолов Сибири. Позволим себе высказать только одно уточнение в отношении данной оценки маститого ученого. В приведенной цитате не упоминаются переводческие труды Алтайской миссии и непосредственно ее первого начальника на языки просвещаемых народов. Конечно же, переводы стали важнейшим направлением в деятельности миссионеров. Трудностей здесь было достаточно: большое количество диалектов в ареале работы Миссии, отсутствие словарей и грамматик, которые пришлось составлять самим... Однако и результаты были немалые. Так, за время пребывания прп. Макария начальником Миссии на одно из алтайских наречий, телеутское, были переведены: Четвероевангелие, почти полностью; несколько апостольских посланий и книга Деяний; многие псалмы и выборочные места из Ветхого Завета; краткая Священная история; краткий катехизис митр. Филарета; огласительные поучения и сборник молитв¹⁵. К несчастью, эти труды основателя алтайской миссии не сохранились — тетради с переводами сгорели при пожаре архиерейского дома в Бийске в 1886 г.¹⁶

Однако по мере накопления опыта миссионерского служения прп. Макарий стал уверенно отдавать предпочтение использованию русского языка в деле христианского обращения и воцерковления. Для нужд

---

¹⁴ Письма Н. И. Ильминского к К. П. Победоносцеву. Казань, 1895. С. 185.

¹⁵ См.: *Филимонов Д. Д.* Материалы для биографии... С. 177; *Птохов П. В.* Архимандрит Макарий (Глухарев)... С. 90.

¹⁶ *Пивоваров Б., прот., Павлова О. А., Ахмадиева С. Ф., Третьяков М. К.* Макарий (Глухарев), прп. // Православная энциклопедия. Т. XLII. М., 2016. С. 437.

христианского просвещения на рубеже 30–40-х гг. он составляет пособия, причем не только для крещеных алтайцев, но и для проживающих русских, — «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного Писания» и «Алфавит Библии». Священное Писание в них цитировалось на русском языке. Эти тексты стали программными начинаниями Миссии. Приоритетной задачей православной миссии прп. Макарий начал рассматривать приобщение новокрещенных к культуре русского Православия. И в этой связи выбор русского языка стал принципиальным. В своем письме к свт. Филарету он писал: «Одно из важнейших дел, составляющих службу миссии, есть обучение новокрещенных инородцев грамоте не только природных наречий их, но и славянской и русской, потому что они призваны участвовать в общественном богослужении нашей Церкви, совершаемом на славянском языке, и потому что, вошедши в общение с народом русским в единой вере, для лучшего познания сей спасительной веры они должны искать общения с ним в самом языке русском и изучать сей живой язык, на котором, по милости Божией, имеет Церковь наша уже Новый Завет и некоторые из священных книг Ветхого»¹⁷.

Свою задачу как миссионера прп. Макарий видел достаточно широкой, не ограничивая ее только обращением язычников. В 1839 г. он послал в Св. Синод проект с выразительным названием «Мысли о способах успешного распространения христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе». Самому прп. Макарию уже приходилось заниматься проповедью христианства по всем этим направлениям. Кроме того, Миссия окормляла и православных русских, живших в районе ее действия. При этом миссионеры столкнулись с крайне низким уровнем религиозной грамотности. Так, вырисовываются масштабы православной миссии, где одной из ее насущных задач прп. Макарий выдвигает требование серьезной работы в направлении общего религиозного просвещения. И здесь, как настоятельно необходимый, и встал для него вопрос о переводе Священного Писания на русский язык. Со своим замыслом во второй половине 30-х гг. он обращался в официальные государственные и церковные инстанции, писал на Высочайшее имя. Наконец начал переводить сам... Так в его христианском служении открылась новая трудовая стезя, на которой он прославился не менее чем своей собственно миссионерской деятельностью.

---

¹⁷ Письма архим. Макария (см. прим. 3). Письмо 66. С. 151.

В конце 1839 г., испросив разрешения Святейшего Синода, прп. Макарий приехал в столицу под предлогом поправки пошатнувшегося здоровья (к старому недугу с голосом и легкими прибавились проблемы со зрением). Пребывание в Санкт-Петербурге он использовал прежде всего для того, чтобы как можно громче поднять вопрос о необходимости перевода Священного Писания. Выбранное для этого время, наверное, надо признать самым неудачным — официальная власть, как церковная, так и светская, крайне нервно и болезненно реагировала на подобные попытки. Еще свежа была в памяти двусмысленная история Российского Библейского общества (РБО) и его закрытия в 1826 г. Прп. Макарию было предложено оставить Санкт-Петербург и вернуться в Миссию. При этом первенствующий на то время член Св. Синода митр. Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский) грозился выслать его из столицы с жандармами или сослать его в Спасо-Евфимиевский монастырь¹⁸.

На обратном пути прп. Макарий некоторое время проживал в Москве, останавливался в Казани, собирая пожертвования и продолжая работу по переводу. Уже с Алтая он снова обращался в Синод с тем же предложением, посылал рукописи переведенных им книг. Ответом Синода стало определение архим. Макарию епитимии, которую он отбывал, по существовавшей тогда практике, в доме своего правящего архиерея. Впрочем, и это наказание он использовал для переводческой работы, найдя в библиотеке Томского еп. Афанасия (Соколова), своего бывшего ученика, необходимые книги и пособия. Следующую епитимию он получил через год за попытку издать «Алфавит Библии».

Сейчас трудно установить основную причину, почему в конце 1842 г. архим. Макарий подал в Синод прошение об увольнении его с поста начальника Алтайской миссии. Стало ли в этом решении определяющим намерение целиком посвятить себя делу русского перевода Священного Писания, без которого он с какого-то момента не мыслил успешной миссионерской деятельности? Уже тогда он выказывал намерение посетить Святую землю и там завершить свою работу над русским переводом Библии. Во всяком случае, в ряде писем он ссылался на ослабление здоровья, прежде всего зрения, что становилось серьезным препятствием в исполнении служебных обязанностей. От руководства Миссии его освободили. Прощение о паломничестве в Палестину удовлетворено не было. Синод определил его настоятелем Троицкого

---

¹⁸ См.: *Птохов П. В.* Архимандрит Макарий (Глухарев)... С. 151.

Оптина монастыря Орловской епархии близ г. Болхова (решение Синода от 16 июня 1844 г.). Здесь — место последнего служения прп. Макария, продолжавшееся около трех лет. Болхов, по сути, стал для него продолжением миссионерской деятельности. Православную российскую провинцию он нашел в не меньшей степени нуждающейся в религиозном просвещении, чем Алтай. Касалось это всех слоев общества. Так, выяснилось, что даже городской голова не знал Символа веры, а из молитв помнил только «Вотчу» (так в Болхове именовали молитву «Отче наш», в произношении превращавшуюся в некое заклинательное бормотание). Отец настоятель организовывал катехизические курсы, куда приходили и дети, и их родители, учил молитве, основам веры, Священному Писанию (Евангелие читалось по-русски), вел пастырские беседы... Приходили к нему даже за исцелениями, и, говорят, он, сам хворый, помогал¹⁹. И неустанно продолжал работать над переводом...

Только в 1847 г. Синод дал прп. Макарию свое благословение на поездку в Святую землю, куда он стремился все последние годы. Говорили, у него было намерение поселиться в Вифлееме в пещере блаж. Иеронима, где, наконец, и завершить свой переводческий труд. Буквально накануне, когда уже все было готово к отъезду, он занемог...

18 мая 1847 г. отошел ко Господу архимандрит Макарий (Глухарев), основатель Алтайской миссии, настоятель Свято-Троицкого Оптина монастыря, переводчик Священного Писания... Похоронили его в монастырском соборном храме. Как отмечают биографы²⁰, и через пятьдесят лет его могилу посещали, и почитание его памяти в Болхове только возрастало... Закрыли монастырь в 1923 г. Самое поразительное — даже годы «воинствующей» борьбы с религией не смогли стереть память об архим. Макарии среди болховчан. Особо помнят и почитают прп. Макария на Алтае. Духовный запал Алтайской миссии, заложенный ее первым начальником, сегодня активно возрождается среди православных приходов Алтая. Создано Макариевское братство. В 1984 г. архим. Макарий был признан здесь как местночтимый святой. В храмах Алтайской епархии представлены его иконы. Наконец, Юбилейным Архиерейским Собором в августе 2000 г. архимандрит Макарий (Глухарев) был причислен к лику святых. Чествование памяти прп. Макария, просветителя Алтая, согласно Деяниям Юбилейного Священного Архиерейского

---

¹⁹ См.: Харлампович К. В. Архимандрит Макарий Глухарев... С. 83.

²⁰ Там же. С. 89.

Собора о канонизации — 18/31 мая²¹. Достойный христианского пастыря путь и достойное признание.

II. Перевод Священного Писания

При непосредственном рассмотрении истории перевода прп. Макарием Священного Писания на русский язык нельзя не упомянуть об атмосфере его студенческих лет. Он был выпускником II курса/набора (1814–1817) созданной в 1809 г. согласно проводимой тогда реформе духовного образования Санкт-Петербургской духовной академии. По замыслу устроителей Санкт-Петербургская академия должна была стать образцовым высшим церковным учебным заведением нового типа и широкого профиля. Со стороны светских властей и духовного руководства поощрялось активное участие студентов в общественной и религиозной жизни столицы. Годы его обучения в Санкт-Петербурге пришлось на время энергичного становления Российского Библейского общества и первых опытов русского перевода Библии²². Михаил Глухарев обучался у архим. Филарета (Дроздова) и свящ. Г. П. Павского — лучших специалистов по Священному Писанию своего времени и непосредственных исполнителей русского перевода Библии в проекте РБО. Перевод стал начинанием, не оставившим равнодушных. И хотя нет никаких сведений о непосредственном привлечении студентов Академии к делу перевода, для многих из них это время запечатлелось неизгладимым следом в их душе, подвигнув впоследствии на собственные переводческие опыты.

Истоки обращения прп. Макария к делу перевода Священного Писания на русский язык вполне очевидны. К переводу он приступил непосредственно в миссионерский период своей деятельности, и побудительными причинами работы над переводом стали именно практические задачи молодой Алтайской миссии, как он их увидел и осознал. Для него вопрос перевода был прежде всего принципиальным и органичным вопросом жизни православной миссии, без решения которого движение вперед на каком-то этапе становилось невозможным.

---

²¹ Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Москва, 13–16 августа 2000 года. Сборник докладов и документов. СПб., 2000. С. 60.

²² Об истории РБО и о начале перевода Библии на русский язык см.: *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык; *Тихомиров Б. А.* Начало русского перевода Библии и Российское Библейское общество // *Христианское чтение.* 2007. № 28. С. 111–146.

К мыслям о насущной необходимости русского перевода прп. Макарий пришел уже в начале 30-х гг. Первый, с кем он поделился ими в письме от 23 марта 1834 г., был свт. Филарет (Дроздов)²³. По форме написания письмо представляет собой почти официальный, программный документ, богословско-идеологический трактат-обоснование необходимости русского перевода Ветхого Завета. Преподобный настаивал на необходимости перевода, поскольку славянский язык «непонятен простому народу», «перевод РБО незавершен, так как не охватывает Ветхий Завет», «европейские народы давно имеют Священное Писание на своих языках», русский перевод необходим всем многочисленным народам, живущим на территории Российской империи, «даже магометане имеют Алкоран на российском наречии»... Его возражения противникам перевода не лишены изобретательности и убедительности. Предлагал он издавать и специальный журнал при Санкт-Петербургской духовной академии, где варианты переводческих трудов проходили бы первоначальную апробацию (когда в конце 50-х гг. XIX столетия работа по переводу была официально возобновлена, ее результаты выносились на широкое обсуждение предварительными журнальными публикациями). На последних страницах своего трактата прп. Макарий связывал задачи перевода с задачами православной миссии, которая у него обретала поистине вселенский масштаб: это миссия и к язычникам, и к мусульманам, и к евреям, это миссия и к самому крещеному народу русскому, в не меньшей степени нуждающемуся в просвещении Словом Божиим...

В этом письме все продумано и логично. Тем не менее год написания данного трактата — 1834-й, а адресат — митр. Московский Филарет! Вряд ли Московскому святителю, одному из главных действующих лиц перевода РБО, нужно было доказывать его необходимость, вряд ли что-то новое ему открывали обоснования этой необходимости самими текстами Священного Писания, в которых прп. Макарий порой пересказывал сюжеты библейских книг (книги Иова, например), убеждая, таким образом, в его церковной актуальности. Свт. Филарет во всех непростых перипетиях событий трех-четырёх десятилетий XIX столетия всегда оставался принципиальным и последовательным сторонником перевода Библии на русский язык. Что нового мог сказать автору Указа Александра I, санкционировавшему русский перевод

---

²³ Письма архим. Макария. Письмо 63. С. 123–145.

Библии, и разработчику правил перевода РБО его бывший ученик? 1834 год! Восемь лет прошло с тех пор, как на кирпичном заводе Александро-Невской лавры был сожжен готовый тираж Восьмикнижия на русском языке, закрыто РБО. Настроение как церковных, так и светских властей не предполагало даже самой возможности постановки вопроса о продолжении перевода. Как мог отнестись свт. Филарет с его известной взвешенной осторожностью во всем (впрочем, в условиях общественной и церковной ситуации того времени ее скорее нужно воспринимать как мудрость) к подобному «проекту»? Разве как к очередной небезопасной бестактности своего духовного воспитанника и протеже, как к сумасбродному эпигонству. Действительно, в этом отношении письмо выглядит более чем странно. Но в этом весь прп. Макарий, весь — либо во внутреннем поиске, либо в горении христианского делания, чуждый каких бы то ни было условностей, если, на его взгляд, они стоят на пути заветов Христа и дела Церкви. (Представляется существенным, что в истории с переводом — вспомним выказываемые ему упреки в непостоянстве — он не только последователен, но настойчив, причем до конца.) Ответом стало выразительное молчание иерарха.

Когда надежды на ответ были исчерпаны, уверенность в неотложной необходимости перевода заставила его обратиться к светским властям. Еще более пространное послание он адресует обер-прокурору Св. Синода С. Д. Нечаеву (от 8 июня 1836 г.). Повторяя общие тезисы, озвученные и в письме к Московскому святителю, прп. Макарий акцентируется здесь на вопиющей, по его мнению, религиозной невежественности русского народа. Яркость приведенных им примеров заслуживает того, чтобы их повторить. Он писал: «...надлежит... чтобы и вообще в Российском народе и, особенно, в служителях алтаря умножался спасительный для человеков свет истинного Богопознания. Если же все еще будем бояться полной Библии на Российском наречии; то не вошел бы в число миссионеров наших некто, подобный одному клирику, приходившему ко мне с объявлением, что он желает послужить святой Церкви проповеданием слова Божия иноверцам. Хорошо, говорю, друг мой; но скажи мне, сколько у нас Богов, чтоб знать, какую веру мы намерены проповедовать. И что же? Он насчитал мне их не только три, но и четыре, и пять, и, может быть, простерся бы далее, если бы я не пресек этого исчисления. Архиепископ всплеснул руками от удивления и прискорбия, когда я рассказал ему разговор мой с этим клириком. Впрочем, у нас нельзя

и ожидать того, чтобы одни миссионеры и клирики приходских церквей проповедовали иноверцам Бога истинного; но и все православные земледельцы и торговые люди нередко изъясняют им веру, которую называют „крещеною“, и многие из сих учителей называют честныя иконы богами, а полочки, на которых они стоят, божницами»²⁴. (Поскольку подобного рода примеры в истории известны, вряд ли можно здесь упрекнуть о. Макария в чрезмерном сгущении красок).

Ответа он опять не получил (в июне 1836 г. последовала отставка Нечаева с поста обер-прокурора). Видимо отчаявшись, что столь нужный для миссионерского дела перевод когда-либо будет санкционирован официальными инстанциями, прп. Макарий приступил к нему самостоятельно. Первое сообщение об этом находится в письме к одному из его многочисленных адресатов от 25 июля 1837 г.: «Весною нынешнего года претерпевал я сильные искушения от уныния и тоски; и, думаю, что Само Провидение Божие, милосердно пекущееся о таком грешном черве, как я, навело меня на одно занятие, в котором душа моя находила утешение и подкрепление. Это перевод книги Иова с еврейского языка на российский. Началось дело на Пасхальной неделе, и в полночь накануне дня Иова Праведного [5 мая], при помощи Божией, кончено»²⁵. (Пасха в 1837 г. приходилась на 18 апреля, таким образом, на весь перевод согласно данному сообщению ушло не более 17 дней.) Перевод книги Иова, свой первый переводческий опыт, прп. Макарий отослал в Комиссию духовных училищ для его издания. В сопроводительном, на этот раз кратком, письме он подчеркивал: «В народе Российском многие миссионеры, и в том числе *знатная часть служителей Церкви* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — Б. Т.), не могут хорошо разуместь Ветхий Завет на славянском, уже мертвом у нас наречии»²⁶.

Только после этого публичного заявления о своем переводе пришел ответ от свт. Филарета на послание трехлетней давности: «Беседу с вами начать надобно, кажется, с мыслей ваших о полном переводе Библии на русское наречие. Вы употребили не мало труда на изложение сих мыслей, но посев ваш пришел не на готовую землю и не во время сеяния. Сомнения о полезности перевода, доселе сделанного, и прекословия о достоинстве его или не прекратились, или возникли вновь,

---

²⁴ Там же. Письмо 71. С. 178–179.

²⁵ Там же. Письмо 18. С. 59.

²⁶ Там же. Письмо 72. С. 186.

так что продолжение сего дела более угрожало бы умножением сомнения и прекословий, нежели обнадеживало бы умножением плода духовного...»²⁷ Вежливая, деликатная попытка дать понять отцу архимандриту всю несвоевременность его начинания.

Уже в следующем, 1838 г. прп. Макарий отправил в Комиссию свой новый перевод библейской книги, на этот раз Книги пророка Исаии, также с кратким сопроводительным письмом, выражающим надежду, что обе переведенные книги будут опубликованы. Судьба переводов была предрешена самой ситуацией — на основании отзыва, сделанного профессором еврейского языка Санкт-Петербургской академии прот. И. Ивановым, надо отметить, не во всех своих частях одобрительного, который, конечно же, ничего не решал, оба перевода были сданы в архив Св. Синода.

В нарушении всех норм субординации прп. Макарий стал писать на Высочайшее имя, Государю императору Николаю Павловичу, пытаясь соблазнить царя тщеславными посулами: «Если Владимир Великий просветил Русский народ святым крещением, то ныне царствующий Монарх просветит Святой Библией на Российском наречии»; «...весь Христианский мир, на все времена, читал бы (в надписании русской Библии. — Б. Т.): „Император Николай I-й Российскому народу“»²⁸. Как и в предыдущих посланиях, он выступал апологетом русского перевода. Отослал он императору также рукописи своих переводов. Естественно, письма были переадресованы в Св. Синод, а его первенствующему члену, митр. Санкт-Петербургскому Серафиму, было строго указано на недопустимое поведение рядового клирика.

Посещение прп. Макарием столицы в 1839 г. только еще раз показало всю бесперспективность возбуждения вопроса о переводе в той исторической обстановке. Все его многочисленные попытки как-то повлиять на ситуацию закончились предписанием Синода немедленно вернуться на Алтай. Тем не менее в столице он неожиданно получил и новый стимул к своей работе — удалось достать литографии перевода ветхозаветных книг с еврейского текста прот. Герасима

---

²⁷ Письма митр. Филарета... Указ. изд. С. 124. Впоследствии письмо прп. Макария от 1834 г. свт. Филарет издаст в 1861 г. в журнале «Прибавления к творениям св. отцов» (кн. XX) после санкционированного светскими и церковными властями возобновления работы по переводу Библии на русский язык и начала публикации переводов прп. Макария.

²⁸ Письма архим. Макария. Письма 74–75. С. 188–198.

Павского, его преподавателя по Академии²⁹. О существовании этого перевода о. Макарий раньше не подозревал. К сверке своих переводов с переводом прот. Г. Павского он приступил сразу по оставлению столицы, сначала в Москве, позднее в Казани и закончил уже по приезде на Алтай.

Новый, пересмотренный перевод книг Иова и Исаии он отослал уже не в Комиссию духовных училищ, но непосредственно в Св. Синод, сопроводив его и этому адресату пространном проектом о русском переводе Библии. В нем нет принципиально новых аргументов, но тональность существенно иная. Голос прп. Макария возвышается до грозного гласа ветхозаветного пророка, ревнующего о деле Божьем, в служении Которому нет и не может быть никаких компромиссов. «Сделанные в недавние годы переводы Священного Писания на русский язык (имеются в виду переводы под эгидой РБО. — Б. Т.) — величайшее благословение Господне России. И оставление этого богоугодного начинания — величайший грех и нечестие, за которые Россию постигли нынешние многочисленные бедствия, которые есть суд Божий». Среди них он перечисляет и петербургское наводнение 1824 г.: «И вдруг Он дунул, и море побежало на сушу, и волны гнева Его покрыли стогны твои, размыли дома твои, дошли до выи твоей, поглотили многих сынов и дочерей твоих, и возрыдали Царь и народ Его»; и преждевременную, скоропостижную кончину Александра I: «Потом он дунул и на Царя, и Царь увял в крепости сил своих, как увядает прекрасный цвет от зноя солнечного во время чрезвычайной засухи, и возрыдал Русский народ о Царе своем, и сетовали с ним Цари и народы вселенной». Тем же слогом он высказался о бунте декабристов и его подавлении, о голоде вследствие засухи и неурожая, о пожарах театра и царского дворца, страшном армянском землетрясении... Все эти события расценены им как исполненные Высшего смысла, как наказания Господне за небрежение слова Божьего, поскольку «Пятикнижие³⁰ в русском переводе, та святая и страшная книга Закона Божия, которая лежала на ковчеге завета Иеговы, во Святая Святых <...> у премногих особ лежит в простом складочном месте...». «Неужели, — вопрошал

---

²⁹ О переводе Павского см.: *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык; *Тихомирнов Б. А.* Протоиерей Герасим Петрович Павский: богослов, ученый, переводчик Библии // *Церковь и время.* 2014. № 4 (69). С. 128–187.

³⁰ Речь идет о первом томе русской Библии в переводе РБО, тираж которого был уничтожен.

архим. Макарий, — слово Божие в облачениях Славянской буквы перестает быть словом Божиим в одеянии Российского наречия?»³¹

Св. Синод был последней церковной инстанцией, до которой прп. Макарий пытался достучаться, его грозный, пророческий окрик — последней возможностью быть услышанным... Ему определили епитимию: послушание при доме Томского архиерея от трех до шести недель по усмотрению последнего. Скорее пожурили, чем действительно наказали.

Была еще одна попытка сделать русский перевод достоянием общечеловечности, теперь в обход официальных властей, — попытка напечатать «Алфавит Библии». Этот труд, написанный им на Алтае по возвращении из столицы, представлял собою своеобразный катехизис, где основные истины христианского вероучения были проиллюстрированы подбором цитат из Священного Писания в русском переводе. Издать этот труд прп. Макарий попытался через московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, одного из жертвователей на дело Алтайской миссии. И снова возникает вопрос: на что рассчитывал прп. Макарий? Конечно же, и столь высокое лицо не могло исполнить подобной просьбы в обход цензуры. Кн. Д. В. Голицын переслал «Алфавит» обер-прокурору Св. Синода графу Н. А. Протасову. Протасов отдал его на рецензию ректору Санкт-Петербургской духовной академии архимандриту, с 15 августа 1842 г. епископу Виницкому, Афанасию (Дроздову). Опять же история с «Алфавитом» пришлось на самое неблагоприятное время. Протасовым как раз было инициировано обсуждение вопроса об утверждении славянской Библии в исключительном употреблении в Православной Церкви в России, наподобие соответствующего положения Вульгаты в Католической Церкви. Ставился вопрос и о запрещении чтения Священного Писания мирянам. В начале 1842 г. началось громкое синодальное расследование по поводу литографированных переводов прот. Г. Павского, которому пришлось давать обстоятельные и унизительные объяснения, отречься от собственных убеждений. Отзыв на «Алфавит», естественно, был отрицательный, а прп. Макарий серьезно предупрежден³².

---

³¹ Письма архим. Макария. Письмо 78. С. 205–209.

³² Эта история нашла свой отголосок в переписке Н. И. Ильминского начала 60-х гг., на наш взгляд, примечательный, как отражающий отношение к творчеству прп. Макария в ближайшую к нему, но уже иную эпоху: «Вчера владыка показал нам дело о покойном о. Макарии, именно о его двукратной епитимии при доме Томского преосвященного. Это преосвящ. Антонию (Амфитеатрову) досталось после смерти преосвящ. Афанасия (Соколова), — он думает передать эти документы в библиотеку Казанской

Небезынтересный контраст представляет отношение к двум «законо-непослушным» переводчикам — к прот. Г. Павскому и архим. Макарию. Прп. Макарий буквально кричал о переводе. Официальные лица от него отворачивались, стараясь не слышать. Он стучал в спины, продолжая убеждать. В своей настойчивости постоянно нарушал столь значимые в то время для общества, как светского, так и церковного, правила приличия³³. Чего стоил хотя бы тон его писем в Св. Синод или прямое обращение на Высочайшее имя! От него отмахнулись, отослав обратно на Алтай, для острастки пожурили. В отношении находящегося с 1835 г. на покое прот. Г. Павского, чья работа по переводу Священного Писания велась в рамках учебного процесса и не претендовала выйти за границы учебного заведения (отлитографированные варианты переводов, которые и дали основание для расследования, делались студентами исключительно по собственной инициативе), был проведен целый показательный процесс. Чем объяснить столь разительное отличие? Поддержкой, которую, безусловно, оказывал Московский святитель своему «неугомонному» чаду?

академии. Первый указ Св. Синода громит о Макария, яко ослушника, за настойчивое ходатайство о переводе Библии на русский язык, другой по поводу его сочинения: Алфавит Библии, — он представил его московскому генерал-губернатору, этот препроводил Протасову, этот сдал в Синод, этот поручил преосвящ. Афанасию (Дроздову), бывшему ректору Петербургской академии, епископу Виницкому. Этот поставил в вину автору опущение догматов, основывающихся на Свящ. Предании. В конце концов о Макарию велено держаться своих только миссионерских занятий, а не пускаться в другие дела, и саму рукопись сдать в синодальный архив. Там, значит, и доселе она мирно почивает. Интересно бы Вам взглянуть на нее, и нельзя ли как пошевелить дело? *Ведь этот труд блаженного Макария, как и все труды его, было бы полезно издать в свет*» (Знаменский П. Некоторые материалы для истории Алтайской миссии и участие в ее делах Н. И. Ильминского // Православный собеседник. Казань, 1901. Октябрь. С. 461–462.) В настоящее время трудами прот. Б. Пивоварова текст «Алфавита Библии» издан в книге: *Пивоваров Б., прот.* Преподобный Макарий Алтайский и составленный им «Алфавит Библии» (см. прим. 3).

³³ Известный церковный писатель и общественный деятель А. М. Муравьев, педантичное благочестие которого явно было задето, так отзывался о встрече с прп. Макарием: «...внезапностью и своими вольными приемами архим. Макарий действительно озадачил нас, кроме разве митрополита Московского, которому подобные приемы, очевидно, были уже известны <...> и чего тут не было наговорено (о Макарий настаивал на необходимости русского перевода. — Б. Т.) — и все страшно обличающим и угрожающим карами небесными языком и тоном, не взирая на присутствие двух первосвятителей (вторым был митр. Киевский Филарет (Амфитеатров). — Б. Т.), хотя и в домашней беседе...» (Цит. по: Харлампович К. В. Архимандрит Макарий Глухарев... С. 56).

Неудача в официальных инстанциях никак не сказалась на решимости прп. Макария продолжить свой труд. Трудности его не останавливали. Рукописи своих переводов он широко рассылал для отзывов и просто в дар самым разным людям. Уже в начале работы своим авторитетом священника и личной увлеченностью он вовлек в дело перевода многих лиц из своего обширного окружения. Близкие и просто знакомые люди, сочувствующие прп. Макарию, переписывали варианты перевода. Своей сотруднице по Миссии Софье де-Вальмон он писал: «Достопочтенная сестра о Господе, благодарю за труды, и посылаю исправленный перевод книги Иова; старайтесь писать как можно правильнее и степенным почерком; видите как Непряхина пишет; впрочем, Вы не все буквы у нее перенимайте...»³⁴ Упомянутая в этом письме его духовная дочь Е. Ф. Непряхина на пятом десятке лет занялась изучением французского, немецкого и английского языков, чтобы помощь в переводе была более действенной. К делу перевода он даже привлек находящихся в ссылке в Тобольске декабристов: М. А. Фон-Визина, П. С. Бобрищева-Пушкина, Н. П. Свистунова — их знанием европейских языков прп. Макарий воспользовался для перевода современных библейских комментариев³⁵. Были у архим. Макария помощники в этом деле и среди духовенства: свящ. Н. Лавров, прот. Е. Остромысленский... По существу, он организовал целый переводческий коллектив, который трудился под его началом.

Методология переводческой работы прп. Макария наглядно представлена в воспоминаниях Д. Д. Филимонова, его помощника и биографа, уже на второй (!) день знакомства привлеченного к делу переводу: «После обычного приветствия, усадив меня подле себя за стол, заваленный рукописями и книгами, о. Макарий подал английский перевод Библии и попросил передать по-русски, как можно ближе к английскому тексту, первую главу из книги Иова. Хотя это было несколько *ex abrupto* (лат. — «неожиданно», «внезапно», «ошеломительно»), но я счел долгом беспрекословно исполнить его желание. По окончании 1-ой главы он дал мне французский и затем немецкий тексты, прося продолжать читать и передавать для сличения ту же главу по-русски. Сам о. Макарий между тем все время следил по исписанной по-русски тетради, проверяя с еврейским текстом, справляясь по временам с различными комментариями и высказывая при том нередко замечания: какой, по его

---

³⁴ Письма архим. Макария. Письмо 209. С. 416.

³⁵ См.: Харламович К. В. Архим. Макарий и тобольские декабристы // Русский архив. 1904 . Февраль.

мнению, перевод оказывался ближе к еврейскому»³⁶. В этом кратком живом рассказе показаны все основные источники перевода, на которых прп. Макарий основывался в своей работе: еврейский текст как базисный, современные европейские переводы и комментарии к ним как ориентиры в работе.

Прп. Макарий делал свой перевод с еврейского, масоретского, текста. Это была его принципиальная позиция, высказанная во всех написанных им посланиях: и к свт. Филарету, и в Комиссию духовных училищ, и к Нечаеву, и к государю императору, и в Св. Синод. В этом он полностью солидарен со своим бывшим учителем и старшим коллегой по переводу прот. Г. Павским. Основным аргументом было то, что еврейский язык для Ветхого Завета — это язык «оригинала»: «Молим даровать нам полную российскую Библию на российском наречии, *верно переведенную с оригинальных языков* еврейского (для Ветхого Завета. — Б. Т.) и эллинского (для Нового Завета. — Б. Т.)»³⁷. Обращение к языку оригинала выражало всеобщие ожидания и чаяния, связанные с переводом, а именно: получить ясный и понятный текст Библейского Откровения: «Библию, которая сама себя изъясняет»³⁸. Это — ожидание обретения тайны Откровения, не только «сокрытой от веков и родов», но и затемненной непонятным языком и непрямым переводом славянской Библии: «Перевод всей Библии Ветхого Завета с еврейского языка на российский будет уже и сам по себе исполнением заповеди Спасителя, и трудом, который будет увенчан Его благословением; а между тем сей труд будет награжден *святыми корыстями разумения*, которые обогатят и украсят Российскую Церковь паче всех сокровищ мира и паче всякого великолепия вещественного, — многими *прозрениями в таинства Божию*, принадлежащие и открывающиеся душам, которые со страхом Божиим и верою приступают к размышлению о путях Божиих, прозрениями, которые сретаются с неизглаголаннкими воззрениями Премудрости Божией, вселяющими душу верною ей, неверною же обличающими и к верности воззывающими»³⁹; «...иная мера нашему времени, *просвещаемому* паки Еврейской Библией Ветхого Завета и Эллинской Нового»⁴⁰; «Многие места в пророческих книгах Ветхого Завета усердные христиане знали

---

³⁶ Филимонов Д. Д. Материалы для биографии... С. 192.

³⁷ Письма архим. Макария. Письмо 71. С. 181.

³⁸ Там же. С. 182.

³⁹ Там же. С. 176.

⁴⁰ Там же. Письмо 63. С. 135.

бы наизусть, если бы сии книги были столь доступны для общего разумения на российском наречии, как они вразумительны на других новейших языках в переводе с еврейского»⁴¹. И конечно же, перевод с еврейского для прп. Макария имел миссионерское значение именно в том широком понимании им задач христианской миссии, которые им постоянно декларировались: «Вот богодухновенная Библия Ветхого Завета на российском наречии в переводе с еврейского, читайте ее бедным евреям; и когда они с удовольствием будут видеть, что Библия наша совершенно сообразна с их Библией, тогда вы (миссионеры. — Б. Т.) открывайте им, каким образом Иегова ведет их рукою Моисея и пророков к Иисусу...»⁴² Перевод с еврейского текста, он ожидал обрести ясный и наконец-то единый текст Откровения.

Переводчики Священного Писания на русский язык первой половины XIX столетия, по существу, были первопроходцами. В своем «библейском начинании» Россия отставала от остальной Европы на несколько столетий. Конечно же, переводчики обращались к опыту, который был накоплен в переводах Библии на языки народов Западной Европы. Это было тем более естественно, что с западными переводами в России оказалась тесно связанной домашняя практика чтения Священного Писания. Как известно, образованная часть общества, причем не только аристократия, но даже часть духовенства и семинаристы, предпочитала чтению Библии на славянском языке современные европейские переводы. Широкое использование прп. Макарием в своей работе современных европейских переводов и библейских комментариев наглядно представлено в вышеприведенном пассаже Д. Д. Филимонова. Из «различных комментариев», которыми пользовался прп. Макарий, в его письмах определенно названы два: Остервальда (1663–1747), швейцарского пастора, богослова, редактора французского перевода Библии, и Розенмюллера (1768–1835), немецкого востоковеда, автора пространного библейского комментария. Сам прп. Макарий не отдавал безусловного предпочтения какому-либо переводу или комментарию. Так, в отношении комментария Розенмюллера он высказывался предельно критично: «...при переводе книги Исаии пророка, пользуясь ученостию Розенмюллера, я не последовал его жалкой неверности»⁴³. Об одном из французских переводов он писал: «Посылаю французскую Библию. Я удивляюсь, как Г. Женуд

---

⁴¹ Там же. Письмо 71. С. 166.

⁴² Там же. С. 182.

⁴³ Там же. Письмо 73. С. 187.

мог издать такой перевод в то время, когда немецкие и английские богословы представляли ему столь богатые пособия»⁴⁴. Видимо, не стоит преувеличивать здесь возможную зависимость.

Более определенно можно говорить об отношении перевода прп. Макария к современным ему русским переводам, именно к переводу РБО и к переводу прот. Г. Павского. На связь и преемственность своего перевода с переводом прот. Г. Павского вполне определенно указывал сам прп. Макарий: «...я за учителем моим по Еврейской Библии следовал как ученик, а не как невольник, и не все мнения его принял за самые верные, но в некоторых местах удержался на других основаниях; и, хотя при священном тексте сих книг находятся у меня прежние объяснительные примечания, которые также пересмотрены и исправлены, однако поправок в тексте было так много, что перевод, сделанный мною, стал уже не моим. Усердно желаю, чтобы он соделался нашим»⁴⁵. В состав литографированного перевода прот. Г. Павского, которым располагал и прп. Макарий, входили следующие библейские книги: Иова, Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней, Исаии, Иеремии, Плач Иеремии, Иезекииля, Даниила, 12 малых пророков⁴⁶. Хотя вышеприведенное высказывание прп. Макария хронологически относится к самому началу его работы над переводом Священного Писания (1840 г.) и непосредственно касается книг Иова и Исаии, его можно отнести ко всему своду данного литографированного перевода. Сравнение переводов прп. Макария и литографированных переводов прот. Г. Павского, показавшее их органическую близость, было осуществлено И. Чистовичем: «Сличение перевода прочих книг архим. Макария с переводом Г. П. Павского показывает, что Макарий только исправлял готовый перевод, ограничиваясь большей частью заменой одних слов другими»⁴⁷.

Очевидное сходство показывает перевод прп. Макария также с переводом Восьмикнижия, сделанным в рамках проекта РБО в 20-е гг. (переводчиком по преимуществу был Павский). Уничтоженный большей частью, его тираж так и не имел публичного распространения. Тем не менее у узкого круга лиц он был на руках и, по всей видимости,

---

⁴⁴ Там же. Письмо 212. С. 418.

⁴⁵ Там же. Письмо 78. С. 209–210.

⁴⁶ Священные книги Ветхого Завета в переводе Герасима Петровича Павского. СПб.: лит. Мейера, 1838–1839. РНБ. Шифр хранения: 18.173.3.8.

⁴⁷ Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. С. 330.

хранился скрытно. Об этом, в частности, свидетельствует тот упрек, который прп. Макарий выказывал в цитированном выше послании Синоду. С высокой степенью вероятности можно предположить, что экземпляром данного издания располагал и прп. Макарий, хотя прямых указаний на это нам у него найти не удалось. О таком положении дел может говорить явная близость двух переводов, выражающаяся, например, в незначительных стилистических отличиях при подборе отдельных слов. (Быт 2, 2: «совершил» — Мак.; «окончил» — РБО...). Они, как правило, не затрагивают строя предложения и не влияют на смысловое выражение текста. Перевод прп. Макария также более последователен в его ориентации на еврейский текст, что, в частности, проявляется в выборе произношения собственных имен. Перевод РБО в этом старается не отходить от традиции славянской Библии. Например, «Беэр-Шава» (Быт 21, 31, 32 и др.) у Макария, когда перевод РБО сохраняет традиционное «Вирсавия»; «Реуэл» и «Циппора» (Исх 2, 18, 21 и др.) в противоположность «Рагуил» и «Сепфора»; «Елишева, сестра Нахашонова» (Исх 6, 23), а не «Елисавета, сестра Наассонова»... Хотя в отношении наиболее значимых деятелей Священной истории Ветхого Завета, произношение имен которых в масоретском тексте иное, нежели в славянской библейской традиции, таких, как «Исаак» («Ицхак» — МТ), «Моисей» («Моше»)... и прп. Макарий, и перевод РБО остаются на позициях, утвердившихся в славянской Библии.

Несколько неопределенно выглядит практика двух переводов в отношении личного, священного божественного имени. У прп. Макария в книгах Бытие и Исход везде читается «Иегова»⁴⁸. В переводе РБО употребление формы «Иегова» чередуется с традиционным именем-заменой «Господь», и подобная практика является характерной для всего «Восьмикнижия». Поскольку такое смещение никак не отвечает исходным библейским текстам (МТ, LXX), выбор перевода РБО в данном случае оказывается несколько произвольным. В книгах Левит, Числа, Второзаконие, Иисуса Навина, Руфь, далее, выходя за границы Восьмикнижия, всех четырех Царств, первой-второй Паралипоменон у прп. Макария везде стоит «Господь». В остальных книгах, где он находит поддержку в переводе прот. Г. Павского, употребляется форма «Иегова»,

---

⁴⁸ «Иегова» — форма прочтения личного божественного имени, YHWH, в вокализации масоретов. Уже к началу XIX в. библеистика убеждается в ее искусственности. Переводы РБО, прот. Г. Павского, прп. Макария, в отдельных местах Синаодальный в отношении прочтения четырехбуквенного имени следуют еще старой практике.

и соответствие переводу учителя в этом отношении полное. Подобным же образом переведены Ездра и Неемия. Скорее всего, такая непоследовательность вызвана незавершенностью перевода прп. Макария. Действительно, из его переписки становится очевидным, что перевод существовал во многих вариантах и постоянно редактировался. К сожалению, издатели XIX в. никак не охарактеризовали публикуемый ими текст в отношении к тем рукописным вариантам, которые у них имелись, поэтому в настоящий момент проследить тенденции перевода и сделать уверенный вывод об окончательном выборе переводчика в этом вопросе представляется затруднительным.

Таким образом, можно констатировать глубокую внутреннюю связь и близость русских переводов первой половины XIX столетия: РБО, прот. Г. Павского, прп. Макария. Можно ли на этом основании утверждать, как это делает Чистович, что перевод архим. Макария «не имеет значения труда самостоятельного»⁴⁹? Эта близость скорее дает основание оценить труд прп. Макария в более широком аспекте замысла и характера работы. Очевидно, он выступает как самостоятельный переводчик. Другое дело, стремился ли он придать своей работе отличительные и индивидуальные черты. Сопоставление переводов позволяет дать однозначно отрицательный ответ на данный вопрос. Определенно не предполагал прп. Макарий и прославится как переводчик Библии. Посылая в Синод свои переводы, он просил, чтобы в случае издания его перевода «не показывали его имени и не означали Алтайской церковной миссии на заглавных листах»⁵⁰. Такая просьба полностью отвечала сложившейся на Руси практике издания Священного Писания без имен переводчиков, тем более что это практически всегда был коллективный труд. Таковыми были все издания славянской Библии, подобной же практике придерживались издания русских переводов в проекте РБО. (Опубликованный в 1876 г. первый полный перевод русской Библии, «Синодальный», также не называет имен переводчиков, будучи авторизован именем Высшего управляющего органа Русской Церкви, что определяет его авторитет как *санкционированного Церковью перевода*.) Задача прп. Макария не в индивидуальности перевода, не в увековечении своего имени как переводчика. Его главная цель — дать народам Российской империи, русскому в первую очередь, полный и понятный текст Священного Писания. В этом — его миссия несения Слова Божьего народам

---

⁴⁹ Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. С. 329.

⁵⁰ Письма архим. Макария. Письмо 78. С. 209.

России. Он стремился завершить дело Российского Библейского общества и прот. Г. Павского.

Работу над переводом прп. Макарий не прекращал до самых последних дней своей жизни. Перевод постоянно редактировался. Важнейшей целью поездки в Святую Землю было окончание перевода и организация издания за границей, поскольку весь его опыт общения с официальными инстанциями свидетельствовал о невозможности напечатания в России. Предположение о том, что именно таковыми были планы прп. Макария, высказывал Д. Д. Филимонов⁵¹.

История милостиво отнеслась к переводческому наследию прп. Макария — оно не «кануло в Лету». Перевод издали. Произошло это после того, как в 1856 г. при императоре Александре II был официально возобновлен труд перевода Библии на русский язык. Начало работы над новым переводом было предварено публикациями переводов первой половины века. Увидели свет и перевод прот. Г. Павского (частично), и перевод прп. Макария, изданные в академической богословской периодике, как в свое время и предлагал апробировать переводы библейских книг их журнальными публикациями прп. Макарий. В 1861 г. в журнале «Прибавления к творениям св. отцов» (кн. XX) митр. Филаретом было опубликовано письмо о. Макария от 34 г. с мыслями о насущной необходимости русского перевода. Перевод архим. Макария печатали в московском «Православном обозрении» в 1860–1867 гг. Были изданы книги: Исаии, Иеремии, Плач Иеремии (1860); Иезекииля, Даниила, Иова, Осии, Иоиля, Амоса (1861); Авдия, Ионы, Михея, Наума, Аввакума, Софонии, Аггея, Захарии, Малахии (1862); Песнь Песней, Екклесиаста, Притчей, Бытия (1863); Исход, Левит, Чисел, Второзаконие (1864); Иисуса Навина, Судей, I Царств (1865); II–IV Царств, Руфи (1866); I–II Паралипоменон, I Ездры, Неемии (1867). Это полностью книги Ветхого Завета в объеме еврейской Библии, за исключением Псалтири, единственной ветхозаветной книги, изданной в переводе РБО. (В оглавлении ПО за 1867 г. т. 24 «Вторая книга Ездры в переводе с еврейского архим. Макария», очевидно, допущена ошибка, поскольку это перевод I Ездры). Таким образом, перевод Ветхого Завета прп. Макария состоял только из еврейского наследия. (Неверно указание Чистовича⁵² о том, что изданные в ПО за 1868 г. I и II Маккавейские книги переведены архим. Макарием, — в ПО переводчиком назван свящ. А. А. Сергиевский).

---

⁵¹ См.: Филимонов Д. Д. Материалы для биографии... С. 193.

⁵² Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. С. 240, 319.

Значение перевода прп. Макария обретается, прежде всего, в ряду общего значения русских переводов этого периода. Они подготовили почву для Синодального перевода. И хотя во второй половине XIX в. были избраны иные принципы перевода — используя при переводе Ветхого Завета масоретский текст как базисный, Синодальный перевод в значительной степени ориентирован на текст Семидесяти — новый перевод во многом использовал наработки старых. Можно определенно говорить о преемственной связи Синодального перевода с переводами первой половины XIX столетия.

Источники и литература

1. *Знаменский П.* Некоторые материалы для истории Алтайской миссии и участие в ее делах Н. И. Ильминского // Православный собеседник. Казань, 1901. Октябрь.
2. *Пивоваров Б., прот.* Преподобный Макарий Алтайский и составленный им «Алфавит Библии». Новосибирск, 2012.
3. *Пивоваров Б., прот., Павлова О. А., Ахмадиева С. Ф., Третьяков М. К.* Макарий (Глухарев), прп. // Православная энциклопедия Т. XLII. М., 2016. С. 434–442.
4. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии. Казань, 1905.
5. Письма Н. И. Ильминского к К. П. Победоносцеву. Казань, 1895.
6. Письма Филарета, митр. Московского и Коломенского, к Высочайшим особам и разным другим лицам. Тверь, 1888.
7. *Птохов П. В.* Архимандрит Макарий (Глухарев), основатель Алтайской миссии. М., 1899.
8. *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской духовной Академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. 255–258.
9. Священные книги Ветхого Завета в переводе Герасима Петровича Павского. СПб.: лит. Мейера, 1838–1839. РНБ. Шифр хранения: 18.173.3.8.
10. *Тихомиров Б. А.* Предисловие // Пятикнижие Моисея в переводе архимандрита Макария. СПб., 2000. С. V–XXXV.
11. *Тихомиров Б. А.* Начало русского перевода Библии и Российское библейское общество // Христианское чтение. 2007. № 28. С. 111–146.
12. *Тихомиров Б. А.* Протоиерей Герасим Петрович Павский: богослов, ученый, переводчик Библии // Церковь и время. 2014. № 4 (69). С. 128–187.
13. *Тихомиров Б. А.* Деятельность прп. Макария (Глухарева) по переводу Священного Писания // ПЭ. Т. XLII. М., 2016. С. 442–444.
14. *Филимонов Д. Д.* Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария. М., 1888.

15. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 187.
16. Харлампович К. В. Архим. Макарий и тобольские декабристы // Русский архив. 1904. Февраль.
17. Харлампович К. В. Архимандрит Макарий Глухарев. По поводу 75-летия Алтайской миссии. СПб., 1905.
18. Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1873, 1899 (репринтное переиздание Российского Библейского Общества — М., 1997).
19. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Москва, 13–16 августа 2000 года. Сборник докладов и документов. СПб., 2000.

Boris Tikhomirov. Venerable Macarius (Glukharev): The Missionary Struggle and the Translation of the Bible (In honor of the 170th anniversary of his repose and the 225th anniversary of his birth).

The author of this article discusses the activities of the well-known missionary and translator of the Old Testament, Venerable Macarius (Glukharev), who graduated from St. Petersburg Theological Academy in 1817 and was glorified in 2000. The article is divided into two parts. In the first part, the author offers a brief vita; in the second part, the author describes the saint's activities in translating the Old Testament into Russian. This article is offered as a memorial to this extraordinary and talented man, a true ascetic for Christian enlightenment, while discussing also the difficult problems faced by the Russian Orthodox Church in the first half of the 19th century. The author discusses both the problem of the Church's missionary activity, as well as the problem of the translation of the Bible into Russian, a process that was interrupted in 1826 for over thirty years. Venerable Macarius was a key player in both of these areas.

Keywords: Macarius (Glukharev), St. Petersburg Theological Academy, Altay Mission, Bible translation in Russia, Old Testament, Masoretic Text, St. Philaret (Drozdov), translation of Archpriest G. Pavsky, penance, Holy Land.

Boris Alekseyevich Tikhomirov — Candidate of Theology, Assistant Professor of the Department of Biblical Studies at St. Petersburg Theological Academy (bt54@mail.ru).